

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Весенние грозы

Роман

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Весенние грозы: Роман / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга по Требованию,
2024. – 354 с.

ISBN 978-5-519-95167-8

ISBN 978-5-519-95167-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

перъ. Маленькій плакса улыбался, а вмѣстѣ съ нимъ смѣялось и другое дѣтское личико, полное не дѣтской тревоги и заботы. Ее красило именно сознаніе своей отвѣтственности и чувство того смутнаго материнства, которое у дѣвочекъ скрыто въ каждой куклѣ.

— Ахъ, какъ долго!.. —вырвалось наконецъ у Кати, когда ей надоѣло подбѣгать къ окну, —ей самой хотѣлось заплакать.

Но въ моментъ такого изнеможенія хлопнула калитка, чьи-то ноги быстро вбѣжали на крылечко, а затѣмъ распахнулась дверь, и въ комнату ворвался мальчикъ лѣтъ десяти. Онъ вбѣжалъ прямо въ калошахъ и въ фуражкѣ, повторяя одно слово:

— Поступилъ... поступилъ... поступилъ!..

— Сережка, да ты и то съ ума сошелъ: сними калоши-то! —послышался въ передней ворчливый женскій голосъ.

Въ другой разъ Сережѣ сильно досталось бы за его вольнодумство, но теперь онъ не обращалъ никакого вниманія на слова матери и продолжалъ бѣгать по комнатамъ въ калошахъ. Марѳа Даниловна слишкомъ была счастлива, чтобы учинить немедленную расправу съ вольнодумцемъ. Она прошла прямо къ переднему углу, положила передъ иконой три земныхъ поклона и начала молиться. Дѣти инстинктивно притихли, чувствуя, что совершается что-то необыкновенное. Сережа стоялъ посреди комнаты въ своихъ калошахъ и не зналъ, что ему дѣлать —молиться или снимать калоши, Катя торопливо крестилась, строго глядя на брата. Пѣтушокъ уцѣпился за мать и недоумѣвалъ, слѣдуетъ ему заревѣть или не слѣдуетъ.

— Слава Богу! —вслухъ проговорила Марѳа Даниловна, кончивъ молитву.

Оглянувшись, она увидѣла, что Катя спряталась за диваномъ и горько плакала.

— Ты это о чемъ, дурочка?—ласково спросила Марѳа Даниловна.

— Мама, я такъ...—бормотала дѣвочка, стараясь улынуться сквозь слезы.—Мнѣ такъ хорошо...

Катя не успѣла объяснить, что она сейчасъ чувствовала, но это не мѣшало ей понимать всю торжественность происходившаго. Марѳа Даниловна молча обняла дочь и молча поцѣловала ее въ голову, что случалось съ ней очень рѣдко,—она держала дѣтей строго и не любила нѣжностей. Сейчасъ мать и дочь понимали другъ друга, какъ взрослые люди.

— У меня будетъ спіній мундиръ съ серебряными пуговицами,—хвастался Сережа, размахивая руками.—И кэпка, и шинель... да.

Мальчикъ прищелкнулъ языкомъ, а потомъ показалъ его сестрѣ самымъ обиднымъ образомъ.

— Сережка, ты, кажется, послѣдняго ума рѣшился?—окрикнула Марѳа Даниловна и прибавила ласково:—Устала я до смерти, Катя... бѣги въ кухню, поставь самоварчикъ.

Поступленіе Сережи въ гимназію для семьи Клепиковыхъ было настоящимъ праздникомъ. Марѳа Даниловна даже позабыла переменить парадное шерстяное платье на ситцевое, какъ это случалось только въ Пасху или Рождество. Маленькой Катѣ именно такъ и казалось, что у нихъ большой праздникъ, нѣтъ, больше—теперь все будетъ другое.

Чай прошелъ самымъ веселымъ образомъ и тоже по праздничному. Обыкновенно Марѳа Даниловна выпивала свои двѣ чашки урывками, между дѣломъ, а теперь сидѣла и разговаривала. У ней явилась потребность выговориться. Душа была слишкомъ полна. Въ обыкновенное время она рѣдко разговаривала съ Катей, а теперь говорила съ ней, какъ съ большой. Дорогой въ гимназію, она начерпала грязи въ калошу—это хорошій знакъ, Сережа струсилъ, а въ пріемной чуть

не подрался съ чиновничьимъ сыномъ Печаткинымъ—тоже мать привела на экзаменъ. Ничего, славная такая женщина, разговорчивая. Сейчасъ съ швейцаромъ познакомилась и шепнула потихоньку, что гимназисты зовутъ старика-директора генераломъ „Не мнѣ“,—все-то она знаетъ, эта Печаткина. Объ всемъ успѣли переговорить, пока дожидались очереди, да еще принесло тутъ жену управляющаго контрольной палатой м-те Гавличъ. Вся въ шелку, такъ и шуршитъ... Сунула швейцару цѣлый рубль, ну, ее не въ очередь и пустили. Богатые-то всегда впереди... А Печаткина, надо полагать, такая же голь перекатная, какъ и мы, грѣшные. Потомъ поповича привели, по фамиліи Кубовъ—попикъ такой бѣдненькій, боязливый, всѣмъ кланяется. А поповичъ бойкій, и все кулаки показывалъ Сережѣ.

— Это все будутъ Сережины товарищи,—любовно замѣтила Марѳа Даниловна, съ нѣкоторой гордостью поглядывая на своего любимца.—Въ гимназію только поступить, а тамъ всѣ равны—и богатые и бѣдные. Нужно только учиться... Ну, Печаткина-то—ее Анной Николаевной звать—первая проскользнула къ директору, а мнѣ пришлось еще подождать. Ужъ такъ это тяжело ждать, Катя!.. Потомъ выходитъ Анна Николаевна, веселая такая, а у самой на глазахъ слезы—и смѣется, и плачетъ отъ радости, что опредѣлила своего-то оболтуса. Ну, потомъ ужъ мы съ Сережей пошли... Не помню, какъ и въ кабинетъ вошла. Директоръ сѣдой такой, лицо сердитое и голосъ сердитый, а глаза добрые. Увидалъ Сережу и говорить: „Ну, бутузъ, что ты мнѣ принесъ?“. А Сережа...

— Мама, я не струсилъ...—хвастался Сережа, припадая всѣмъ лицомъ къ блюдечку съ горячимъ чаемъ.—Даже нисколько не струсилъ!..

— Не врѣ...—остановила Марѳа Даниловна.—Еще какъ струсилъ-то, Катя. Ну, да ничего, все сошло благополучно... Директоръ похвалилъ за молитвы.

Маленькая Катя слушала эти разговоры съ раскрытымъ ртомъ, боясь проронить хоть одно слово. Лицо у мамы сегодня такое доброе... Марѣ Даниловнѣ было за тридцать. Это была высокая женщина того крѣпкаго, худощаваго склада, который не знаетъ износу. Длинное и неправильное лицо сохраняло еще слѣды недавней свѣжести, но было сдержанно и строго, какъ у всѣхъ людей, выдавшихъ и нужду, и заботу, и неустанный трудъ. Темныя брови и гладко зачесанные темныя волосы придавали ей немного монашескій видъ, особенно когда она покрывала голову темной шалью. Отъ волненія и выпитаго чая лицо Марѣ Даниловны разгорѣлось, и она казалась маленькой Катѣ такой красивой.

— И мы, мама, тоже будемъ богатыми? — неожиданно спросила дѣвочка.

— То-есть, какъ это: богатые?

— А какъ же? Ты сама сказала, что только поступить въ гимназію, а тамъ всѣ равны...

— Какія ты глупости болтаешь, Катя!..

— Мама, а я сегодня похожу въ этой курточкѣ? — вмѣшался Сережа, занятый своими мыслями.

— Какъ хочешь... Теперь ужъ все равно: надо будетъ заводить форму, а твоя курточка пойдетъ Пѣтушку.

Не допивъ чаю, Сережа безъ шапки бросился прямо на улицу, чтобы сообщить новость своимъ уличнымъ пріятелямъ. Это были сосѣди, дѣти сапожника — Пашка и Колька. Весной они вмѣстѣ играли въ бабки, лѣтомъ бѣгали купаться, осенью спускали змѣйки, а зимой катались на конькахъ. Сережа, торопливо глотая слова, рассказалъ пріятелямъ о своемъ поступленіи въ гимназію и, конечно, не преминулъ похвастаться тѣмъ, что у него будетъ „кэпка“, и синій мундиръ съ серебряными пуговицами. Чумазые и взѣрошенные сапожничьи дѣти отнеслись къ этой новости довольно скептически, потомъ переглянулись и хихикнули самымъ обиднымъ образомъ.

— Съ свѣтлыми пуговицами, говоришь?—ехидно переспросилъ Колька, засовывая озябшія руки подъ рубаху и поскакивая съ ноги на ногу.—И кэпка?

— Настоящій курячій исправникъ будешь...—прибавилъ задорный Пашка, первый забіяка и драчунъ.

— Ну, ты не больно...—обидѣлся Сережа.

— Чего не больно-то?... Ты тоже не задавай...—началъ задорить Пашка, вставая въ первую позицію.—Колачивали мы со свѣтлыми-то пуговицами, только стружки летятъ... На льду всегда драчишки бываютъ, такъ я каждый разъ всю харю съ пуговицами-то раскровеню.

Сережа былъ сегодня слишкомъ счастливъ, и эти капли холодной воды вывели его изъ себя. „Курячій исправникъ“, „не задавай“, „всю харю съ пуговицами раскровеню“—это хотъ кого выведетъ изъ себя. Слово за слово, произошла легкая размолвка, а потомъ началась и настоящая драка. Въ азартѣ Сережа не сообразилъ, что онъ одинъ и, потерпѣвъ быстрое и жестокое пораженіе. Онъ не успѣлъ мигнуть, какъ уже лежалъ на землѣ, а сапожничьи дѣти сидѣли на немъ верхомъ и обрабатывали его кулаками съ большою ловкостью. Затѣмъ, друзья улизнули, а Сережа вернулся домой въ разорванной курточкѣ и съ подбитымъ глазомъ.

— Теперь ужъ тебѣ нужно бросить эти глупости,—повторила Марѳа Даниловна.—Ну, какіе тебѣ товарищи, Пашка и Колька? Теперь ты гимназистъ... У тебя будутъ другіе товарищи...

Будущій гимназистъ имѣлъ самый жалкій, разстерзанный видъ и горько плакалъ, вытирая глаза кулакомъ. Катѣ часто приходилось терпѣть отъ него разныя непріятности, но въ данномъ случаѣ она отнеслась къ постигшему несчастію очень сочувственно.

— Не плачь, Сережа.

Сережа зло посмотрѣлъ на нее и показалъ кулакъ.

II.

Глупая драка Сережи съ уличными мальчишками взволновала Марѳу Даниловну, да и, вообще, сегодня у нея все какъ-то валилось изъ рукъ. Кухарки Клепиковы не держали, и Марѳа Даниловна все дѣлала по дому сама. Сегодня она и печку затопила позже, чѣмъ слѣдовало, и вчерашнія щи пересолила, и старый заслуженный горшокъ разбила. Кухня помѣщалась внизу и выходила двумя маленькими оконцами на дворъ. Въ ней было и низко, и темно, но Марѳа Даниловна какъ-то раньше этого не замѣчала, а теперь нѣсколько разъ стукнула концомъ ухвата въ шкафикъ съ посудой, уронила лукошко съ мукой и, наконецъ, разсердилась.

— Никакъ ослѣпла отъ радости...—ворчала она.

Эти маленькія неудачи, какими разрѣшается иногда слишкомъ большое счастье, были забыты съ приходомъ главы дома, Петра Аѳанасьевича. Онъ приходилъ ровно въ три часа. Это былъ средняго роста некрасивый, плечистый господинъ, съ некрасивымъ лицомъ и добрыми сѣрыми глазами. Форменный вицмундиръ сооруженный хозяйственнымъ способомъ дома, всегда сидѣлъ на немъ мѣшкомъ, точно съ чужого плеча. На локтяхъ и по швамъ вицмундиръ всегда лоснился, точно его кто облизалъ... Несмотря на свои сорокъ лѣтъ, Петръ Аѳанасьевичъ ходилъ немного сгорбившись и вѣчно потиралъ свои большія холодныя руки, точно ему постоянно было холодно. Изъ дѣтей онъ больше другихъ любилъ Катю, и дѣвочка первая всегда его встрѣчала.

— Поступилъ... папочка, поступилъ!.. — кричала Катя, встрѣчая отца по обыкновенію въ передней. — А Сережу сапожничьи дѣти отколотили, папа... Сѣли на него верхомъ и колотятъ. Я пожалѣла Сережу, а онъ мнѣ кулакъ показалъ...

— Такъ, такъ...—ласково повторялъ Петръ Аѳа-

насьевичъ, бережно устанавливая новыя резиновыя калоши въ уголокъ.—Такъ... Отмѣнно. Кто же кого колотилъ-директоръ Сережу или Сережа деректора?

— Ахъ, какой ты, папа: это сапожниковы дѣти...

— Директора?

— Да нѣтъ, говорятъ тебѣ...

Катя сердилась и тащила отца за одну руку, а Пѣтушокъ повисъ на другой. Петръ Аѳанасьевичъ улыбался такой хорошей доброй улыбкой. Поправивъ на вѣшалкѣ свое форменное осеннее пальто, онъ спросилъ:

— А гдѣ у насъ мать?

Онъ зналъ, что жена въ кухнѣ, но всегда задавалъ этотъ вопросъ. Сережа спрятался въ свою комнату и вышелъ только къ обѣду.

За обѣдомъ Марѳа Даниловна рассказала еще разъ все, что видѣла, слышала и пережила сегодня, припоминая разныя подробности и по нѣскольку разъ повторяла одно и то же. Катя помогала ей, напоминая порядокъ, въ которомъ слѣдовали событія. Много мѣста было отведено новому знакомству съ Печаткиной.

— Она славная такая, эта Анна Николаевна,—повторяла Марѳа Даниловна.—Сама подошла ко мнѣ. Я-то въ простой наколкѣ была, какъ мѣщаночка, а она и въ мантильѣ, и въ шляпѣ. Положимъ, шляпка не важная, а все-таки настоящая дама...

— Печаткинъ въ земствѣ служить? Да, встрѣчалъ... Такой бойкій. Такъ, такъ... А тебя вздули, Сережка?—обратился онъ къ сыну.

— Они меня, папа, курячьимъ исправникомъ зовутъ...—слезливо отвѣтилъ Сережа.—Я Пашку самъ вздую... Ихъ было двое, а я одинъ.

— Ну если, двое, такъ Богъ тебя проститъ. Такъ, такъ... значитъ, курячій исправникъ? Ахъ, разбойники...

Серьезная Марѳа Даниловна тоже не могла удержаться отъ смѣха, хотя и закусывала губы, чтобы не расхохотаться. Катя и Пѣтушокъ заливались до

слезъ, потому что смѣялись большіе, и перестали только тогда, когда мать остановила ихъ строгимъ взглядомъ.

— Ну, что же дѣлать: за битаго двухъ небитыхъ даютъ,—шутилъ Петръ Аѳанасьевичъ, глядя Сережу по головѣ.—Вотъ теперь мы тебя въ гимназію опредѣлили, а дастъ Богъ и Катю отдадимъ учиться. Хочешь, Катя, въ гимназію?

— Только, папа, въ женскую.

— Ага... А я хотѣлъ тебя въ мужскую отдать. Не хочешь?...

Послѣ обѣда Петръ Аѳанасьевичъ прилегъ по обычаю соснуть, а проснувшись, не пошелъ на службу.

— Не пойду и все тутъ,—спорилъ онъ съ неизвѣстнымъ противникомъ.—Бываетъ и свинѣ праздникъ... Скажу, что зубы болѣли. За тридцать-то пять цѣлковыхъ жалованья можно и побаловаться одинъ-то разъ.

— Какъ знаешь,—согласилась Марѳа Даниловна.

Петръ Аѳанасьевичъ облегся въ пестрый татарскій халатъ и, попыхивая папирсой, расхаживалъ по своимъ комнатамъ. Онъ сегодня съ особеннымъ удовольствіемъ оглядывалъ и маленькую гостинную съ кисейными занавѣсками, и кабинетъ, и комнату, гдѣ жилъ Сережа. Все было не богато, но прилично. Каждая вещь пріобрѣталась здѣсь годами. Сначала задумывали что-нибудь купить, потомъ прицѣнивались, потомъ сколачивали по копѣйкамъ необходимую сумму, и потомъ ужъ въ домѣ появлялась новинка. Такъ были пріобрѣтены: пестрый диванъ для гостинной, шкафъ для чайной посуды, письменный столъ и т. д. Тутъ подумаешь, когда приходится съ семьей жить на 35 рублей жалованья. Въ кабинетѣ на стѣнѣ у печки висѣло одноствольное тульское ружье, а рядомъ старенькая гитара. Изъ кабинета маленькая дверка вела въ полутемную коморку, гдѣ хранилась всевозможная рыболовная снасть. Все лѣто по ночамъ Петръ Аѳанасьевичъ

вичъ проводилъ на рыбной ловлѣ, что доставляло ему нѣкоторый заработокъ, а зимой заготавливалъ крючья, лесы, самоловы, полавки и сѣти. Онъ все дѣлалъ самъ и любилъ свое „апостольское ремесло.“

Къ вечернему чаю прибрелъ дядя Марѣы Даниловны, старикъ Яковъ Семенычъ. Это былъ николаевскій служака, имѣвшій пряжку за безпорочную тридцатипятилѣтнюю службу. Онъ лѣтомъ вмѣстѣ уѣзжалъ съ Петромъ Аванасьевичемъ на рыбную ловлю, а по зимамъ приходилъ болтать все о томъ же. Присядетъ къ печкѣ, заложитъ нога на ногу, закуритъ свою коротенькую трубочку-носогрѣйку и безъ конца ведетъ тихую степенную рѣчь о разныхъ разностяхъ. Старикъ любилъ политику по старой памяти, а Петръ Аванасьевичъ приносилъ съ почты газеты. Сейчасъ Марѣа Даниловна была, пожалуй, и не рада старику, потому что онъ былъ противъ поступленія Сережи въ гимназію. У Марѣы Даниловны даже вышло нѣсколько схватокъ изъ-за образованія дѣтей, хотя Яковъ Семенычъ и не отрицалъ необходимости образованія вообще. Но какъ-то выходило, такъ, что, пожалуй, можно и безъ образованія,—не всѣмъ же ученымъ на свѣтѣ жить.

— Хорошо ему такъ-то говорить, когда одной ногой въ гробу стоитъ...—ворчала Марѣа Даниловна.— А молодымъ вѣдь жить-то придется... Не прежняя пора, когда и безъ образованія можно было перебиться.

Старикъ пришелъ, снялъ свою заношенную шинель въ передней, прокашлялся и занялъ свое мѣсто за чайнымъ столомъ.

— А мы дядя, въ гимназію съ Сережкой поступили,—весело объяснялъ Петръ Аванасьевичъ, подмигивая.

— Что же, дѣло хорошее,—уклончиво отвѣтилъ старикъ.

— Ужъ, конечно хорошее...—задорно вмѣшалась Марѣа Даниловна.—Нынче безъ образованія человѣку вся цѣна расколотый грошъ. Мы-то свое прожили, а у

дѣтей впереди все... Трудненько, конечно, намъ будетъ первое время, ну, Богъ дастъ, справимся...

— Да, надо въ гимназіи восемь лѣтъ вытянуть...— говорилъ старикъ, посасывая свою трубочку.— Да и съ одной гимназіей далеко не уѣдешь... Дальше, пожалуй потянетъ. Придется еще—накинуть годиковъ пять...

— Мы дальше-то не загадываемъ, дядя, а только вотъ гимназію...—замѣтилъ Петръ Аѳанасьевичъ, чтобы поддержать жену. За битаго двухъ небитыхъ даютъ, дядя...

— Да, вѣдь, я ничего не говорю,—оправдывался старикъ.—Что же выучится Сережка и жалованье будетъ большое получать... Дай Богъ!... А то можетъ военнымъ захочетъ быть—вездѣ скатертью дорога.

— Нѣтъ, онъ въ военные не пойдетъ,—сказала Марѳа Даниловна.—Плохое это дѣло быть военнымъ...

— Все отъ человѣка, матушка: хорошій вездѣ хорошъ. Конечно, въ военной службѣ такого жалованья не дадутъ, за то почету больше. Каждый солдатъ честь отдаетъ...

— Богъ съ ней, съ вашей военной честью. Мы люди простые...

Старикъ улыбнулся, набилъ новую трубочку и замолчалъ.

— Пусть будетъ Сережка докторомъ, — заговорилъ Петръ Аѳанасьевичъ.—Доктора, какъ попы, съ живого и съ мертваго берутъ... Самое занятіе подходящее. Вонъ шуринъ, Павелъ Данилычъ, какъ поживаетъ...

При этомъ напомнимъ о братѣ Марѳы Даниловны опять поморщилась. Она не любила брата, который забылъ своихъ. Выбился въ люди и никого знать не хочетъ... Конечно, онъ живетъ богато, а все-таки свою родню забывать не хорошо. И сунуло Петра Аѳанасьевича вспоминать его.

— Да, Павелъ Данилычъ...—повторилъ старикъ, по-